

Н.Н. Ключев, доктор географических наук
Г.В. Сдасюк, доктор географических наук
А.А. Тишков, доктор географических наук, зам. директора,
Институт географии РАН, Москва

Место России в мировой социальной «табели» о рангах*

Охарактеризуем кратко место *России* на мировой карте социального благополучия на основе статистической информации, содержащейся в Докладе о развитии человека (2007)**. В 2005 г. наивысший индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) зафиксирован в *Исландии* и *Норвегии*. *Россия* стоит на 67-м месте в мире. «Составляющие» российского ИРЧП далеко неравнозначны. На мировом фоне среднестатистический российский человек отличается высокой образованностью, средним уровнем материального достатка и крайне невысокой продолжительностью жизни.

На мировом фоне среднестатистический российский человек отличается высокой образованностью, средним уровнем материального достатка и крайне невысокой продолжительностью жизни.

По уровню образования *Россия* занимает достойное 28-е место, между *Белоруссией* и *Германией*. Величина российского ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС), в 2005 г. составляла 1552 млрд долл. США (2,56% от мира в целом). Российская экономика была десятой

по величине после *США*, *Китая*, *Японии*, *Индии*, *Германии*, *Великобритании*, *Франции*, *Италии* и *Бразилии*. Любопытно, что еще в 1992 г. *Россия* по ВВП стояла на 6-ом месте, опережая *Великобританию*, *Францию*, *Италию* и *Бразилию* (*World Resources*, 1996).

Душевой ВВП (2005 г.) в *России* немного превышает среднемировой – 58-е место, рядом с *ЮАР*, *Малайзией*, *Мексикой* и *Ливией*.

В большинстве стран наивысшее значение душевого ВВП в период 1975 – 2005 гг. приходится, естественно, на последний, 2005 г.,

Но в некоторых странах максимальный экономический результат был достигнут ранее, что объясняется, например, благоприятной ценовой конъюнктурой для нефтедобывающих стран. С этим связан, в частности, пик экономического процветания в *Кувейте* в 1979 г. и *Объединенных Арабских Эмиратах* в 1981 г. Российский максимум ВВП приходится на позднесоветский

* Из книги «Рациональное природопользование: международные программы, российский и зарубежный опыт.» – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 412 с.

** Важно отметить, что в условиях разразившегося в 2008 г. мирового финансового кризиса некоторые страновые показатели докризисного 2005 г. кажутся устаревшими. Это касается, например, прежнего лидерства по ИРЧП *Исландии*, оказавшейся на грани дефолта, и относительных экономических успехов, повышения уровня жизни в *России* в «позитивные нулевые годы». Между тем интересна и докризисная иерархия стран по выбранным критериям. Кроме того, пока нет оснований считать, что в целом эта глобальная социальная иерархия существенно трансформируется.

1989 г. (полезно вспомнить, что мировые цены на нефть тогда были невысоки). За 17 лет (1989 – 2005 гг.) наш душевой ВВП (по ППС) сократился на 10%.

Сократившийся за годы перестройки и реформ ВВП России распределяется весьма неравномерно. Доходы 10% богатейших наших жителей в 12,7 раз превосходят доходы беднейших 10%. Неравенство по доходам намного меньше в *Германии, Швеции, Норвегии*, где соответствующий коэффициент составляет 6,1 – 6,9 раз, и *Японии* (4,5 раза). Впрочем, североамериканский уровень неравенства (*США* – 15,9 раз) к нам все же ближе, чем латиноамериканский (*Колумбия* – 63,8 раза, *Парагвай* – 65,4 раза) и африканский (*Намибия* – 128,8 раза) уровни.

Гораздо ближе к отсталому – в социальной сфере – миру наша страна находится по ожидаемой продолжительности жизни (119-е место). Особенно неблагоприятна ситуация со смертностью мужчин. Если в мире в целом вероятность дожить до 65 лет среди мужчин составляет 63,1% (максимум в *Исландии* – 88,7%), то в *России* – лишь 42,1%. Это – уровень *Чада, Эфиопии, Патуа – Новой Гвинеи*.

Еще более неблагоприятными являются современные изменения ожидаемой продолжительности жизни в нашей стране. Если в 1970 – 1975 гг. она составляла 69 лет, в 1986 – 1987 гг. возросла до 70,1 года, то в 2000 – 2005 гг. упала до 64,8 года. У нас поворот кривой продолжительности жизни вниз произошел в начале 1990-х гг., и трудно не связать его с развернувшимися

в этот период крупномасштабными социальными экспериментами.

Степень витальности (жизнеспособности) российского общества была резко подорвана наступившей нищетой масс и затяжным психо-эмоциональным стрессовым состоянием, связанным с лишением людей привычных ориентиров, кардинальной ломкой всех ценностей, зависанием в неопределенности при неясном векторе общественного развития и отсутствием четкой (или хотя бы нечеткой) доктрины социальных перемен.

За 1970 – 2005 гг. ожидаемая продолжительность жизни в мире выросла на 8,3 года (лидер – *Вьетнам* – плюс 23,4 года). Конечно, *Вьетнам*

стартовал в 1970 г. с весьма низкого уровня в 50,3 года, но и бывшая на тот период на самом высоком месте в мире *Швеция* (74,7 лет) прибавила за четверть века заметно

(5,4 года) – до 80,1 года. По темпам роста продолжительности жизни за указанный период *Россия* на 168-м (!) месте в мире. Лишь в пяти странах неблагоприятная динамика хуже – в *Лесото, Ботсване, Свазиленде, Замбии* и *Зимбабве*. Замечу, что в указанных странах – у наших африканских соседей в этом списке – не только высокий уровень нищеты (в *Лесото*, например, 36,4% населения живет менее чем на 1 доллар в день, в *Зимбабве* – 56,1%), но и высокий уровень распространения ВИЧ (*Лесото* – 23,2%, *Ботсвана* – 24,1%, *Свазиленд* – 33,4%). У российской динамики смертности – «африканское лицо», хотя ни столь вопио-

Сократившийся за годы перестройки и реформ ВВП России распределяется весьма неравномерно. Доходы 10% богатейших наших жителей в 12,7 раз превосходят доходы беднейших 10%. Неравенство по доходам намного меньше в *Германии, Швеции, Норвегии*, где соответствующий коэффициент составляет 6,1 – 6,9 раз, и *Японии* (4,5 раза).

щей нищеты, ни эпидемии ВИЧ у нас не наблюдается.

По состоянию на 2007 г., из 85 субъектов Российской Федерации 64, то есть 3/4, имели отрицательный *естественный прирост населения* (в 1990 г. отрицательный прирост наблюдался в 22 из 85, то есть в четверти регионов)***. Российские региональные показатели интересно сопоставить с данными по странам мира. Во второй половине 2000-х гг. отрицательный

естественный прирост населения фиксировался лишь в 16 из 181 стран. Поэтому многим российским регионами по темпам естественной убыли населения трудно найти аналог на мировой демографической карте, а для 24 регионов с показателями менее минус 6 на 1 000 населения таких аналогов нет совсем. Такое их исключительное своеобразие объясняется сочетанием низкой рождаемости и высокой смертности.

Традиционно выделяется два контрастных типа демографического поведения – с низкими показателями *рождаемости и смертности* в экономически развитых странах и высокими – в развивающихся. Однако из *рис. 2* хорошо видна и группа стран с высокой рождаемостью при низкой смертности, например *Палестина, Гватемала, Сирия* (такое сочетание демографических параметров характерно и для *Чеченской Республики*). Большинство же регионов *России* образуют обособлен-

ную от стран мира группу с максимальной в мире смертностью и минимальной рождаемостью. Это – крупная демографическая аномалия, локализуемая в нашей стране.

По уровню *младенческой смертности Россия* занимает 60-е место – не самое плохое для наших медико-демографических показателей (ситуация с заболеваемостью туберкулезом, например, значительно хуже – 111-е место), но и здесь динамика негативная. В 1970 г. *Россия* отставала по *младенческой смертности* (29 на 1000 живорожденных) от лидера – *Швеции* (11), но находилась на уровне *Италии* (30) и опережала *Португалию* (53), *Корею* (43), *Кубу* (34).

К 2005 г. в названных странах *младенческая смертность* сократилась до 4 – 6, а в *России* – лишь до 14. В современном мире – это уровень *Шри-Ланки, Вьетнама, Колумбии*.

Вследствие прежде всего сокращения ожидаемой продолжительности жизни российский индекс развития человеческого потенциала за 1990 – 2005 гг. уменьшился, в то время как у подавляющего большинства стран он возрос. По динамике ИРЧП *Россию* можно объединить в одну группу с такими странами, как *Конго, Центрально-Африканская Республика, Кот д'Ивуар* и т.п. Получается, что по темпам социального развития (вернее, не развития и даже деградации) на рубеже веков *Россия* попадает в мировое захолустье.

Степень витальности (жизнеспособности) российского общества была резко подорвана наступившей нищетой масс и затяжным психо-эмоциональным стрессовым состоянием, связанным с лишением людей привычных ориентиров, кардинальной ломкой всех ценностей, зависанием в неопределенности при неясном векторе общественного развития и отсутствием четкой (или хотя бы нечеткой) доктрины социальных перемен.

*** Здесь источник данных по России – (Регионы России. 2008), а по странам мира – (World Population Prospects: The 2008 Revision).

нологий и т.п.), а за счет усиления эксплуатации земельных ресурсов, «продания» почвенного плодородия, а также ужесточения эксплуатации труда, прежде всего труда доиндустриальной эпохи – мускульной силы человека в личных подсобных хозяйствах населения, ставших ныне основными кормильцами страны (Клюев, 2004).

В условиях систематического уклонения российского государства от выполнения социальных функций наше бедное население выживает за счет чрезмерной эксплуатации биологических ресурсов (Тишков, 2005) – почвенного плодородия, браконьерства, незаконных рубок леса, самозаготовок дров, самозахвата земель и т.п. В результате происходит подрыв экологического потенциала страны. Кстати, на другом социальном полюсе – богатое меньшинство нашего общества выживает (хотя, по-видимому, здесь правильнее сказать – «процветает») за счет эксплуатации ресурсов литосферы, тоже чрезмерной, подчас хищнической, эксплуатации.

Процессы деградации человеческого и экологического потенциалов в нашей стране находятся в противофазе с современными мировыми тенденциями. В формирующемся постиндустриальном, информационном обществе «социальные, культурные, экологические продукты заменяют материальные блага в качестве сердцевины производства» (Мироненко, 2004). Если в сфере недвижимости, как образно говорят специалисты, на эффективность проекта влияют три фактора: место, место и ...место, то в индустрии информационных и инновационных технологий фактора тоже три – это кадры, кадры и еще раз кадры. Трудовые ресурсы, отвечающие вызовам современности, могут формироваться лишь в высококачественной социальной среде. Если прежде технологии преобразовывали внешнюю природу, то информационные технологии напрямую связаны с изменением самого человека. Положение страны в завтрашнем мире будет определяться качеством человеческого капитала. На глобали-

Примечание. Учитывались те страны, данные по которым приведены в Докладе.

Рис. 2. Место России среди стран мира по ряду социальных показателей, 2005 г.

зирующемся рынке XXI в. разворачивается острая битва за человеческий капитал, беспрецедентная интеллектуальная конкуренция.

Нынешний глобальный финансовый кризис наглядно показал иллюзорность надежд на то, что *Россия* сможет прожить лишь на экспорте своих природных ресурсов. Колебания мировой экспортной конъюнктуры вмиг ломают хрупкую надежду на экономический ренессанс. Чтобы занять достойное и надежное место в мировой экономике, нужно развивать сложные, наукоемкие отрасли, научно-образовательный, инновационный комплекс.

Но масштабные, значимые инновации невозможны без инвестиций в образование, здравоохранение, а также в экологическую сферу, определяющую качество окружающей человека природной среды.

Мировой опыт преодоления прежних кризисных ситуаций доказал значимость инвестиций в дорожное строительство в качестве сильного стимулятора для развития экономики. В новую эпоху нужно инвестировать непосредственно в человека – исходную инстанцию общественного богатства и прогресса, выстраивать современную социальную и экологическую инфраструктуру. Это задача первостепенной важности для судьбы современной *России*. Понятно, что эта задача не решается в одночасье. Трудно, однако, рассчитывать на ее решение, если изначально двигаться в противоположном направлении. А за последние два десятилетия

наша страна далеко отодвинулась от той черты, за которой начинается экономика знаний.

За постсоветский период доля сервисного сектора в экономике нашей страны сильно выросла. При этом, естественно, сократилась роль материального производства, что обычно трактуется позитивно как «постиндустриальное развитие». Однако наблюдается крайне неравномерное изменение отдельных отраслей в составе сервисного сектора. Анализ его изменения за 1990 – 2004 гг. показывает, что количество управленцев, финансистов и работников торговли увеличилось примерно

вдвое, работников здравоохранения и культуры – на 9 – 11%, число работников образования несколько сократилось, а научных работников уменьшилось почти на 2/3. Налицо регрессивные подвижки в третичном секторе нашей эконо-

Нынешний глобальный финансовый кризис наглядно показал иллюзорность надежд на то, что *Россия* сможет прожить лишь на экспорте своих природных ресурсов. Колебания мировой экспортной конъюнктуры вмиг ломают хрупкую надежду на экономический ренессанс. Чтобы занять достойное и надежное место в мировой экономике, нужно развивать сложные, наукоемкие отрасли, научно-образовательный, инновационный комплекс.

мики, сформировавшийся в нем «торгово-бюрократический флюс». Это отражает особую, сугубо российскую постсоветскую разновидность «кризисной постиндустриализации», когда третичная сфера (преимущественно торгово-бюрократическая) растет не на развитой индустриальной базе, а вместо нее (*Клюев, 2007*). Ясно, что такая динамика не соответствует задачам инновационного, информационного, экологически ориентированного развития страны («экологического», в частности, потому, что охрана окружающей среды – чрезвычайно наукоемкая сфера деятельности).